

Онтологический символизм как мировоззренческая парадигма цельного знания. Ч. 1

*«И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины:
и мы видели славу Его как едиnorodного от Отца»
Откровение св. Иоанна Богослова*

Историческая драма человечества очерчивается своими мировоззренческими переломами. Конец XX столетия ознаменован в российском самосознании крахом идеи технологического детерминизма. Ее теоретическая смерть засвидетельствована глобальным разрастанием экологического кризиса современного мирового сообщества, все более зримой угрозой самоуничтожения человечества в ходе его дальнейшей техногенной экспансии. Практическим воплощением этой смерти стал развал в последние десятилетия XX века социально-политической системы «реального социализма» с его классово-технократической идеологической начинкой.

Основные черты вызревающего миропонимания определяются общим смыслом истории человечества, идеей гуманизации социально-исторического процесса, все более полным самоутверждением человека в мире, ростом свободы и творческих возможностей личности. Важнейшим орудием личностного самоопределения людей служит язык как непосредственная действительность мышления, как первая ипостась разума человеческого. «По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий – разуме, первейшее есть слово», – подчеркивал в свое время М.В. Ломоносов. Антропологический поворот в развитии философского самосознания Новейшего времени получает к концу XX века смысловое завершение в признании Языка генеральной движущей силой общественного прогресса, животворным истоком поступательного обновления социально-исторической реальности.

Ч. 1. Вербальные контуры социально-исторического процесса

Идейные корни символического, логоцентристского мировоззрения уходят в глубь веков, к священным преданиям о творческой силе Слова. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1: 1-4). Рациональное осмысление эти древние заветы получают в эпоху Просвещения. Сила Слова, возвещал русским людям М.В.Ломоносов, «толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания». Преклонение «Русского просвещения» перед величием Слова обретает мировоззренческую полноту, идейную основательность в концепции «онтологического символизма» Г.С.Сковороды, в «оживотворении» А.Н.Радищевым самобытных реалий слова. В его понимании, «слово есть нечто живое». Все человеческие знания, «вся человеческая наука, – полагает мыслитель, – не что иное есть, как изображение знамений вещей, есть роспись слов». Духовная мощь Слова утверждает его главным воспитателем рода человеческого. По убеждению Радищева, «начальный способствователь усовершенствования рода человеческого есть речь».

Слово, по его признанию, «одаренное всесилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило».

Идейные зерна «вербального» мировоззрения, посеянные в лоне научно-теоретического мышления веком XVIII-ым, дали в XIX столетии концептуальные всходы в деятельно-креативной теории языка В. фон Гумбольдта [Humboldt W. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* // W. von Gumboldt's *Gesammelte Werke*. Bd. 6. Berlin, 1848], принеся в XX веке конкретные плоды в эмпирической проработке гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа [20 Sapir E. *The Status of Linguistics as a Science* // *Language*. 1929/ Vol. 5; Sapir E. *Language* [1921] // *Encyclopedia of the Social Sciences*. New-York, 1993. Vol. 9; Whorf B. *The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language* [1939] // Whorf B. *Language, Thought and Reality*. New-York, 1956. В русском переводе см.: *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 464 с.], в выявлении параметрических характеристик влияния вербальных структур на когнитивный опыт человека, на формирование идеального образа окружающего мира. К концу XX столетия внутренние наработки специальнаучного поиска получили смысловое обоснование на крайних полюсах философского мирозерцания, объединившего в проблемном поле Языка беспредпосылочную нейтральность, объективизм позитивистского исследования и полноту экзистенциалистского восприятия мира. Результатом такого единения стало возрождение герменевтики как искусства символического прочтения целостных смыслов духовной жизни различных этнокультур и становление лингвистической философии как научно-методологической программы «оживления» Языка «игрой» его собственных сущностных сил.

Постижение этих сил предполагает осознание Языка в качестве активного, самостоятельного участника всемирной истории, когда он предстает не просто как условие бытия людей, но как само их бытие, служит не столько модусом исторических событий, сколько их субстанцией, истинной сутью, выступает не как результат деяний человечества, но как их творческое начало, исторический почин. Наиболее общие следы такого причинения воплощаются в качественно определенных эпохах исторической жизни человечества. Если марксизм, опираясь на идеи технологического детерминизма, обосновал классовую природу общественных формаций, отстраняя от процесса их претворения в социальной практике энергетический потенциал этнических сообществ, то питаемый духом социального сотрудничества философский гуманизм, утверждая бытийственность в прогрессивном развитии человечества реалий этнических объединений, признает соучастие народов в поступательном движении общества, действенность их языков в формационном и цивилизационном обновлении социума.

Именно Слово в многообразии своих этнических модификаций служит глубинным началом, нравственным истоком формационных различий, поднимает тот или иной народ на арену исторических деяний, определяет лидерство того или иного этноса в осуществлении исторического прогресса. Так, современный «капиталистический» мир есть по преимуществу продукт деятельности «англо-саксонской» языковой общности. Просвещенный абсолютизм XV–XVIII вв. нашел наиболее яркое выражение в деятельности французской нации. Западноевропейское средневековье было охвачено

полем латинского языка. Однако надэтнический характер его функционирования в ту эпоху служит весомым аргументом для констатации его реальной смерти, превратившей когда-то живое и деятельное «тело» латинской речи в подсобное орудие хранения и ретрансляции чистоты социального опыта, в абстрактную силу унификации европейской культуры, в инструмент подавления многоцветия национальной жизни. В этом случае роль символического лидера средневековья должна перейти к арабскому языку, который стал на Востоке не только, как латинский на Западе, языком науки, культуры, образованности, но сумел, сохранив свои этнические корни, проникнуть во все социальные поры жизни многих «восточных» народов, оплодотворив содержание их деятельности требованиями собственной организации. Культура античного мира питалась в основном живительными токами древнегреческого языка, тогда как жизнь древневосточных, «раннеклассовых» цивилизаций «азиатского способа производства» была обусловлена в значительной степени влиянием древнеегипетского царства и его языковой среды.

Однако нарисованная схема вербально-этнических модификаций социальных лидеров истории человечества представляется слишком догматичной в своих одноликих исторических модификациях, лишенных потенциалов качественного самодвижения исторического материала как столкновения противоположных сил, энергетических потоков порождающей и регламентирующей деятельности людских масс, духовно возвышенных мотивов жизни одних народов и приземленно-прагматичных действий других. Следовательно, на каждом формационном этапе творческие силы мировой истории должны быть представлены в действиях не одного народа, а двух, по крайней мере, этнокультурных сообществ. Поэтому этнокультурный облик социальных формаций мировой истории прорисовывается в раздвоении языковых императивов общественной практики: древнеегипетский и аккадский (ассиро-вавилонский) языки в древнем мире, древнегреческий и латинский в античную эпоху, арабский и тюркский в период средневековья, испанский и французский во времена Возрождения и Просвещения, немецкий и английский в Новейшее время XIX–XX столетий.

Вопрос об этнокультурных лидерах наступившего XXI века остается открытым для широкого научного обсуждения и социально-практического уточнения. Может быть, таким мировым лидером в совершенствовании современного общества станет китайский язык, на котором общаются более 1 млрд 400 млн граждан КНР, сплоченных политической волей КПК в реализации социальных планов. Возможно, что это будет еврейский народ, показавший непоколебимую стойкость в защите своей идентичности. А может быть и русский народ захочет, наконец, произнести свое решающее Слово в мировой истории. «Но одно можно твердо сказать: господство в современном мире англо-саксонского этноса подошло к концу. Сегодня мировому сообществу предстоит воочию наблюдать социально-историческое крушение Британии и разрушение «американской мечты» о мировом господстве» (Гореликов Л.А. Идейные начала современного «русского мировоззрения» в научно-философской концепции «онтологического символизма» / https://www.zrd.spb.ru/letter/2016/letter_0004.htm).

Гореликов Л. А. — д.ф.н. РФ и Украины, профессор, академик Ноосферной общественной академии наук